

КОПТЕВА Э. И.

(Омск, Россия)

УДК 82.0+82-43

ТРАДИЦИИ ПАСХАЛЬНОГО РАССКАЗА XIX В. В ОЧЕРКЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ПАСХАЛЬНЫЙ КРЕСТНЫЙ ХОД»

Ключевые слова: пасхальный рассказ; очерк; образ повествователя; литературная традиция; жанрово-стилевые особенности.

Аннотация: А. И. Солженицын в очерке «Пасхальный крестный ход» обращается к традиции пасхального рассказа XIX в. В статье представлен сопоставительный анализ указанного очерка с финальной частью «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя («Светлое Воскресенье») и рассказом М. Е. Салтыкова-Щедрина «Христова ночь». Солженицын воссоздает целостность духовной и эпической жанрово-стилевой традиций русской классики.

Очерк А. И. Солженицына «Пасхальный крестный ход», напечатанный в 1969 г. («Посев», Франкфурт), на первый взгляд, говорит о разрушении традиции пасхального празднования, однако автор последовательно обобщает итоги русской историко-литературной традиции в жанре пасхального рассказа-очерка и в идейно-содержательном, и в жанрово-стилевом отношениях.

Для жанра пасхального рассказа XIX в.¹ актуален образ рассказчика, ищущего духовную истину, сочувственно вглядывающегося в человеческую душу, возобновляющего уверенность в незыблемости духовно-нравственных ценностей, даже если сам повествователь остается их единственным носителем.

Очерк Солженицына был написан более чем через столетие после «Выбранных мест из переписки с друзьями». Тем не менее, завершающая часть книги Н. В. Гоголя «Светлое Воскресенье», по нашему мнению, лежит в основе размышлений Солженицына о кризисе современной культуры. Повествовательная структура очерка писателя XX в. отсылает к размышлениям Гоголя.

Обычно начало пасхального рассказа вводит образ единства природы и человека, знамением этой связи становится колокольный звон. Сопоставим:

Н. В. Гоголь, «Светлое Воскресенье» (1847):

«В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья. <...> Ему кажется, что там [в России. – Э. К.] как-то лучше празднуется этот день... Ему вдруг представятся – эта торжественная полночь, этот повсеместный колокольный звон, который как всю землю сливает в один гул, это восклицанье “Христос Воскрес!”, которое заменяет в этот день все другие приветствия...» [1, с. 185].

М. Е. Салтыков-Щедрин, «Христова ночь» (1886):

«<...> Темное небо сплошь усыпано звездами, льющими на землю холодный и трепещущий свет. В обманчивом его мерцании мелькают траурные точки деревьев, утонувших в сугробах. ... Все сковано, беспомощно и безмолвно, словно задавлено невидимой, но грозной кабалой. Но вот в одном конце равнины раздалось гудение полночного колокола; навстречу ему, с противоположного кон-

ца, понеслось другое, за ним – третье, четвертое. На темном фоне ночи вырезались горящие шпили церквей, и окрестность вдруг ожила» [2, с. 555].

А. И. Солженицын, «Пасхальный крестный ход»:

«...За полчаса до благовеста выглядит пригороде патриаршей церкви Преображения Господня как топталовка при танцплощадке далёкого лихого рабочего посёлка. <...> Ударяет колокол над головой крупными ударами – но подменный: жестяные какие-то удары вместо полнозвучных, глубоких. Колокол звонит, объявляя крестный ход» [3, с. 568].

Очевидно, что в указанных фрагментах изображено противопоставление земного и небесного миров, однако, если описания в повествованиях Гоголя и Салтыкова-Щедрина развернутые (торжественный стиль, несмотря на поэтику контраста, выделяет особенное пасхальное время), то в очерке Солженицына описание «свёрнуто», лишено пафосных интонаций, а человеческий мир изображен словно перевернутым (звон колокола «подменный», не настоящий).

В отличие от предшествующей традиции, обращающейся к образам небесного мира в самые трагические моменты бытия, очерк Солженицына лишен поэтического изображения пейзажа, лишь редкие слова пунктирно отсылают к воспоминанию об уже почти забытом пасхальном торжестве («иконы», «могилы», «ладан», «пасхальное небо», «храм», «православные», «воскресение Христа», «колокол», «паперть» и др.). Пародийно отзываются эти стилиевые неувязки: «...как бы с рук не потребовали часы, по которым сверяются последние минуты до воскресения Христа», «лезут к свечному окошечку, растолкав христиан, как мешки с отрубями», «Зажигают красные пасхальные свечечки, а от свечек – от свечек они прикуривают» [3, с. 568].

Документальные фактографические зарисовки очерка предельно эмоциональны, но дидактика пробивается лишь в нескольких предложениях, которые по стилю можно отнести к чужой речи (нередко, к сказу) внутри авторского текста: «... а дальше Хода нет. Никого больше нет! Никаких богомольцев в крестном ходе нет, потому что назад в храм им бы уже не забиться» [3, с. 569].

Автор-повествователь в очерке Солженицына словно констатирует последствия той мысли, что отразилась у Гоголя. Сопоставим:

«Нет, не воспрядновать нынешнему веку светлого праздника так, как ему следует воспрядноваться. Есть страшное препятствие, есть непреодолимое препятствие, имя ему – гордость. Она была известна и в прежние веки, но то была гордость более ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием, но не доходила она до того страшного духовного развития, в каком предстала теперь» [1, с. 187].

«...каждый четвертый выпимши, каждый десятый пьян, каждый второй курит... И ещё до ладана, вместо ладана, сизые клубы табачного дыма возносятся в электрическом свете от церковного двора к пасхальному небу в бурных неподвижных тучах» [3, с. 567].

Парадоксально, что наблюдения, развернувшиеся в очерке, совпадают с нравственными выводами гоголевского повествователя: «И тень христианского смирения не может к нему прикоснуться из-за гордыни его ума. Во всем он усумнится: в сердце человека, которого несколько лет знал, в правде, в боге

усумнится, но не усумнится в своем уме. <...> Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божии помазанники остались в стороне? ... и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, в виду всех, чертит исходящая снизу нечистая сила, – и мир это видит весь и, как очарованный, не смеет шевельнуться? <...> Или это еще новая насмешка духа тьмы? Зачем этот утративший значение праздник?» [1, с. 190].

... каких мы русских тем временем вырастили? Оглянешься – остолбенеешь. И ведь, кажется, не штурмовики 30-х годов, не те, что пасхи освящённые вырывали из рук и улюлюкали под чертей, – нет! Это как бы любознательные <...> Что ж будет из этих роженных и выращенных главных наших миллионов? К чему просвещённые усилия и обнадёжные предвидения раздумчивых голов? Чего доброго мы ждем от нашего будущего? [3, с. 568, 570].

Финальные слова рассказчика в очерке провоцируют читателя, изобличая духовное падение всей культурной традиции. Очерк Солженицына – предупреждение о том, что забывать невозможно. В контексте русской традиции этот финал прочитывается пророчески, подобно взыванию к совести и истине Щедрина в аллегорическом рассказе «Христова ночь»: «... И будешь ты ходить из века в век с неусыпающим червем в сердце, с погубленною душою. Живи, проклятый! и будь для грядущих поколений свидетельством той бесконечной казни, которая ожидает предательство. Встань, возьми, вместо посоха, древесный сук, на котором ты чаял найти смерть, – и иди! ... И ходит он доднесь по земле, рассеивая смуту, измену и рознь» [2, с. 559–560]. Человек и народ, потерявшие представление о святости, понесут Иудово проклятие, проклятие Вечного Жида. Сравните с мыслью Гоголя: «Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму» [1, с. 192].

Симптоматично, что все названные авторы разворачивают сходные размышления: мир вне Воскресения – падший. И человек, и народ без веры не способны выжить, обрести национальное достоинство и будут влачить жизнь вне благой вести, вне смысла, вне воскресения.

Солженицын напоминает читателю о ключевых идеях русской классики: просвещение ума, не затрагивающее духовное существо человека, сеет смуту и уничтожение. Целостность традиции препятствует ее разложению. В очерке формируется новое мирозерцание², особый ракурс изображения действительного мира, при этом синтезируются два художественных начала – изображение и размышление. У Солженицына предметом исследования становится современность, сюжет не играет главной роли в очерковом повествовании. Само повествование движется между фактом и вымыслом.

Таким образом, Солженицын является преемником традиций Гоголя и Салтыкова-Щедрина, обращаясь к читателю и предлагая ему выработать собственную точку зрения в осмыслении бытия и той духовной проблемы, которая выделена автором и соотносится со взглядом самого художника. Жанр очерка, таким образом, утверждает эпическую духовную связь с предшествующим литературным процессом, отделяя мнимые ценности от истинных.

Список литературы:

1. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 6. Духовная проза. Критика. Публицистика / Н. В. Гоголь; сост. и коммент. В. А. Воропаева и И. А. Виноградова. – М. : «Русская книга», 1994. – 560 с.
2. Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города. Господа Головлевы. Сказки / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М. : «Художественная литература», 1975. – 608 с.
3. Солженицын, А. И. Не стоит село без праведника : повести и рассказы / А. И. Солженицын. – М. : «Книжная палата», 1990. – 574 с.

Примечания:

¹ Перечислим несколько изданий, связанных с исследованиями в этой области: *Душечкина, Е. В.* Русский святочный рассказ: становление жанра. – СПб. : Издательский отдел Языкового центра СПбГУ, 1995. – 258 с.; *Есаулов, И. А.* Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1998. Вып. 2. – С. 349–363; *Захаров, В. Н.* Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1994. – С. 249–261; *Николаева, С. Ю.* Пасхальный рассказ в русской литературе XIX в. – М.; Ярославль : «Литера», 2004. – 360 с.

² О формировании очеркового начала в русской литературе XIX в. см.: Еремеев, А. Э. Биографический жанр как основа синтеза образного и логического (своеобразие философичности раннего Герцена) // Еремеев, А. Э. Русская философская проза (1820–1830-е годы). – Томск : Издательство Томского университета, 1989. – С. 96–114.

Осипова Т. А.

(Гомель, Беларусь)

УДК 811.161.1'42

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концепт; социальные концепты; художественная проза и публицистика А. И. Солженицына; репрезентация (вербализация, языковое выражение) концептов в тексте.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности языкового выражения ключевых концептов «война», «революция», «социализм», «коммунизм» в художественной прозе и публицистике А. И. Солженицына. Выявляются общезыковые и индивидуально-авторские реализации данных концептов.

В данной статье мы проанализируем особенности языкового выражения некоторых ключевых концептов художественной прозы и публицистики А. И. Солженицына. Концепты исследуются в когнитивной лингвистике – одном из относительно новых направлений в языкознании. Тексты Солженицына весьма интересны с точки зрения репрезентации социальных концептов. Художественная проза дает особенно многочисленные индивидуально-авторские вербализации концептов, поскольку, как отмечают исследователи-когнитивисты, «художественная картина мира – опосредованная, в отличие от наивной картины мира, для нее характерны авторские реализации концептов» [5, с. 53].

Как указывает М. В. Пименова, класс социальных концептов состоит из целого ряда подклассов. Концепт «война» относится к подклассу «концептов ин-